

Платонов А. П. Фро // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2011д. Т. 4: Счастливая Москва С. 402 – 425.

Соловьев В. С. Смысл любви // Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 125-183.

Толстой Л. Н. Война и мир, т. 3-4. М.: Худож. лит., 1967.

Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989.

Федоров Н. Ф. Из I тома философии общего дела // Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 53 – 507.

Чехов А. П. Душечка // Дом с мезонином: Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1983. С. 130 – 137.

Романовская И. В., Петрозаводск
(науч. рук. – Спиридонова И. А.)

Донкихотовский герой в шведском переводе романа «Чевенгур»

А. Платонова «Дон Кихот в революции»

Romanovskaia I. V.

**A new type of hero Don Quixote in the Swedish translation of the novel
«Chevengur» by A. Platonov «Don Quijoteirevolutionen»**

Целью статьи является анализ образной системы переведенного на шведский язык Свенном Вальмарком романа «Чевенгур» под названием «Дон Кихот в революции». Образная параллель с Дон Кихотом устанавливается в отношении многих героев-правдоискателей в «Чевенгуре», в «Дон Кихоте в революции» донкихотовские аллюзии сфокусированы в образе Степана Копенкина. Образно-функциональное сходство Копенкина с Дон Кихотом в шведском переводе усилено сокращением текста, как следствие – изменением сюжета и системы персонажей. Это позволяет рассматривать перевод Вальмарка как «шведскую редакцию».

Ключевые слова: шведская рецепция, «Чевенгур» А. Платонова, «Дон Кихот в революции», С. Вальмарк, «Дон Кихот» М. де Сервантеса, Степан Копенкин.

The purpose of the article is the analysis of figurative system of the novel «Chevengur» translated to Swedish by Sven Vallmark under the name «Don Quijoteirevolutionen». The figurative parallel with Don Quixote is established in the case of many heroes in «Chevengur», but in «Don Quijoteirevolutionen» it is focused in StepanKopenkin's image. The figurative and functional similarity of Kopenkin to Don Quixote in the Swedish translation is enhanced by reduction of the text, as a result – change of a plot and the system of characters. It allows to considerVallmark's translation as «the Swedish interpretation».

Keywords: Swedish reception, «Chevengur» byA. Platonov, «Don Quijoteirevolutionen», S. Vallmark, «Don Quixote» of M. de Cervantes, StepanKopenkin.

Свен Вальмарк (1912–1988) – крупнейший русско-шведский переводчик, легенда шведского перевода. Его литературный дебют состоялся в 1955 г. с перевода повести «Оттепель» И. Эренбурга. В 1958 г. Вальмарк перевел «Доктор Живаго» Б. Пастернака – после публикации роман, автор и переводчик сильно критиковались публицистами и литературоведами. В 1960–1970-е гг. он перевел огромное количество советских авторов на шведский язык: Б. Пильняка, М. Шагинян, Л. Сейфуллину, К. Симонова, А. Ахматову, Б. Акимову, В. Аксенова и многих других. Шведскому литературоведению он запомнился прежде всего как переводчик А. Солженицына («Раковый корпус», «Дыхание», «Архипелаг ГУЛАГ» и др.) и А. Платонова. В 1973 г. Вальмарк перевел на шведский язык крупнейший роман о русской революции «Чевенгур», дав ему название «Дон Кихот в революции» («DonQuijoteirevolutionen») [Platonov 1973]. Это событие послужило серьезным стимулом для развития шведского платоноведения в XX в.

Связь «Дон Кихота в революции» с романом испанского автора М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» очевидна. Задача исследования – рассмотреть художественную реализацию образа-типа Дон Кихота в романе Платонова и шведском переводе.

Сюжет «Дон Кихота в революции» значительно отличается от «Чевенгура»: книга переводилась на шведский язык с «парижской» публикации запрещенного в СССР романа 1972 г., в котором отсутствовала первая часть произведения, посвященная поискам «главной жизни» мастером Захаром Павловичем и сиротскому детству Саши Дванова. Вторая часть – путешествие Дванова и Копенкина для наблюдения «самозарождения» социализма в массах – в переводе представлена с помощью приема конденсации, т.е. сокращения отдельных эпизодов, сцен и образов. Прием конденсации сделал движение рыцарей революции к чевенгурской коммуне более динамичным. Скорое приближение героев к утопии привело к тому, что шведский перевод прочитывается больше как авантюрный, в духе сервантесовской традиции роман.

В «Чевенгуре» образы Дванова, Пашинцева, Копенкина и других героев сконструированы по модели революционного рыцарства. У Платонова донкихотовский типаж ярче всего воплощен в образе Пашинцева, героя, готового из последних сил охранять революцию «в нетронутой героической категории» [Платонов 2011: 147]. Внешний облик героя служит поставленной цели: Платонов с помощью приема визуализации создает образ воина «в латах и панцире» [Платонов 2011: 144]. В «Чевенгуре» между героями, олицетворяющими революционное рыцарство, существует тонкая связь: герои чувствуют бесприютность реального мира, ощущают в себе «сирот земного шара» [Платонов 2011: 146]. По внешнему облику и жизни Пашинцева видно, что он как «идейный сын» Копенкина (по Н. Боровко, отчество «намекает на то, что он [Пашинцев – *И.Р.*] как бы сын [Копенкина – *И.Р.*].») [Боровко 2001] жаждет довести идею революционных преобразований до логического финала или как минимум сохранить революционное дело в первозданном виде. В «Дон Кихоте в революции» главным героем романа Вальмарк определяет «идейного отца» – Степана Копенкина. Выбор этого героя в качестве Дон Кихота оправдан тем, что Пашинцев практически «выведен» за пределы шведской редакции: сокращение первой части романа, в том числе сцены «ревзаповедник Пашинцева», повлияло на «сконденсированное» представление героя во всем романе. Вальмарк отказывается от множественного представления донкихотства в пользу одного героя. В колоритном образе Копенкина консолидированы все революционные чаяния, идеи и надежды народа. О внутреннем сходстве Копенкина и Дон Кихота пишет Вальмарк в аннотации к книге: герой «такой же наивный, но добрый сердцем», как и его литературный прообраз [Platonov 1973].

Закономерно возникает вопрос, почему в шведской редакции Дон Кихотом назван Копенкин, но не главный герой революционер Дванов? В художественном пространстве «Чевенгура» оба героя Копенкин и Дванов «балансируют» между донкихотовским подвигом и гамлетовским сознанием (сомнением). Комментируя образную систему романа, Вальмарк обнаруживает

своеобразный конфликт этих двух начал: «Главные герои романа – это слепо верующий мировой революционер Копенкин, который все время скачет на своем могучем коне Пролетарская Сила к могиле Розы Люксембург, и Саша Дванов, человек, готовый пожертвовать собой ради любви к народу, выразитель идей автора и его альтер эго. Копенкин видит решение всех проблем в пролетарской силе, Дванов – в просвещении и размышлении. Копенкин погибает от меча. Дванов возвращается в религиозно-символической сцене к отцу» [Platonov 1973: 313–317]. Появляясь впервые в романе «Дон Кихот в революции», Дванов предстает перед читателем как типичный жаждущий подвига донкихотовский герой, однако по мере развития действия образ «психологизируется», на что указывает двойничество героя: читатель видит реального Дванова и его духовного брата-близнеца «евнуха души человека» [Платонов 2011: 104]. В душе героя зарождается сомнение о существовании утопического идеала – истинной жизни, и оно окончательно овладевает героем к финалу произведения.

В ранней редакции романа, повести «Строители страны», Платонов именно Копенкину отводил роль истинного революционера [Литвин-Молотов 1994: 218]. Это герой действия, «образец» активного рыцарства, он ездит по России в поисках утопического идеала, жаждет революционных подвигов. В создании образа Копенкина Платонов обращается как к фольклорной традиции – герой, подобно богатырю, становится для читателя примером верности идеалу и силы духа, так и к традиции мировой литературы: В образе нашли воплощение многедонкихотовские черты: герой жаждет приключений, ищет справедливости, защищает обездоленных, неуклонно следует кодексу чести и т. д. Точно так же как герой Сервантеса воюет с ветряной мельницей, Копенкин сечет саблей «вредный» воздух и голые кусты, не тоскующее по Розе так, как это делает он [Платонов 2011: 118, 111].

В описании Копенкина обезличено представлены социальная, психологическая, национальная характеристики героя [Платонов 2011: 102]. В революционных подвигах его отличает не внешность, но служение идеалу

революции, который для героя отождествлен с образом Розы Люксембург. Платонов мастерски сплавляет воедино образ женщины и революции – первым, кто на это обратил внимание, был герой «Чевенгура» мыслитель Ф. Достоевский. Е. Яблоков пишет, что образ Розы является в романе не только «символом любви мистической и телесной одновременно», но он «к тому же осложнен политическими аллюзиями» [Яблоков 2002: 22]. Символически значимый образ героини создавался, конструировался с реальной исторической фигуры Розы Люксембург – немецкой коммунистки, теоретика марксизма, настоящей «валькирии» революции. По Алейникову, в 1919 году в СССР «насаждался культ Розы», что и обыгрывает Платонов в «Чевенгуре» [Алейников 2013: 100].

Роза – это олицетворение идеального представления об истинной, революционной жизни в глазах Копенкина. Фамилия героини восходит к значению «светлого, сверкающего града» [Яблоков 2001: 170]. Исходная ситуация в романе парадоксальна, так как Копенкин, держа путь к Германии для воссоединения с Люксембург, едет не к живой женщине, а умершей, к ней на могилу. Проблема подмены жизни-смерти интерпретируется, с одной стороны, как поиск потусторонней жизни, жизни в Царствии Божьем; с другой стороны, подтекстно указывает на «тупиковость» революционного движения, ведущего героя не к «Новому Граду», а к гибельной судьбе.

Образ Розы встраивается в систему идеологических, революционных, христианских, экзистенциальных представлений. Служение Розе Копенкин понимает как героическую жертву. Революционный запал у героя не ослабевает даже в финале романа – он «уходит в смерть, продолжая быть верным революции. Получив смертельное ранение, Копенкин боевым голосом «гремит»: «Нас ведь ожидают, товарищ Дванов» [Платонов 2011: 407].

«Гамлетовское» начало у Копенкина представлено в шведском переводе сконденсировано, что еще больше усиливает донкихотство персонажа. «Гамлетизм» Копенкина концентрировано представлен в сцене смерти ребенка нищенки. Смерть мальчика, которого женщина только что принесла, а он умер,

свидетельствует о крахе надежды на социальное благополучие и взаимное счастье. Копенкину открывается правда жизни – он понимает, что в «коммунистическом Чевенгуре» коммунизма нет. Другой эпизод «сновидения Копенкина», где подсознание фиксирует безвозвратное отдаление героя от самого себя, матери, народа, реальной жизни, в шведском переводе не сохранен.

Анализ шведского перевода показал: во-первых, образное сходство героев Платонова и Сервантеса, значимость категории рыцарства, перекодированной Платоновым в эпоху социалистической пролетарской революции (главных героев сближает не только внешняя атрибутика, но и черты поведения, характера); во-вторых, сюжетные трансформации, сыгравшие в шведском переводе важную роль: сокращения повлияли на «представление» в шведской версии романа образа Пашинцева, соотношение «донкихотства» и «гамлетизма» в Дванове и Копенкине. Всё это свидетельствуют о качественном изменении образной системы в «Дон Кихоте в революции», позволяющей определить шведский перевод как редакцию, текст-интерпретацию, требующий более детального рассмотрения.

Литература

Platonov A. Don Quijote i revolutionen. Stockholm : P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. 317 p.

Платонов А. П. Чевенгур / под ред. Н. М. Малыгиной. // Платонов А. П. Собрание сочинений: в 8 т. М. : Время, 2011. Т. 2: Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. С. 11 – 409.

Боровко Н. Портретная галерея «Чевенгура» // Континент. 2001. №109. С. 354 – 385. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2001/109/bor.html> (дата обращения: 09.02.2018).

Литвин-Молотов Г. З. Письмо А. П. Платонова // Андрей Платонов: воспоминания современников: материалы к биографии. М. : Современный писатель, 1994. С. 215 – 224.

Яблоков Е. А. «Имя Розы» в творчестве Андрея Платонова // Болгарская русистика. 2002. №2. С. 17–24. URL: http://platonovseminar.ru/docs/science/EA_5.pdf (дата обращения 09.02.2018).

Алейник, О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография. Воронеж : НАУКА_ЮНИПРЕСС, 2013. 222 с.

Яблоков Е. А. На берегу неба : (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 376 с.